

М. З. ЛЕВИНА (Саранск)

**ОСОБЕННОСТИ ПАДЕЖНОГО МАРКИРОВАНИЯ
В ОПРЕДЕЛЕННОМ СКЛОНЕНИИ
ЗАПАДНОГО ДИАЛЕКТА МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА
(ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Abstract. Western Dialects of the Moksha Language: Case Markers in the Definite Declension as Seen from the Linguo-Geographical Aspect

The studying of dialectal features by the methods of linguistic geography to enable a better description of the dialects and subdialects of the Mordvin (Moksha and Erzya) languages is one of the relevant objectives of Mordvin and Finno-Ugric linguistics. The importance of the problem is defined by the specificity and insufficient study of the research materials, as well as by the necessity to emphasize the originality of the Moksha language. This article considers not only the definite declension of nouns, but also the use of variant morphemes and their isoglosses in Moksha dialects. The absence of a single system, resulting in a diversity of case forms, is indicative of the incompleteness of the formation process of the definite declension.

Keywords: Moksha language, dialects and subdialects, geographical distribution, morphological traits, grammatical characteristics, definite declension.

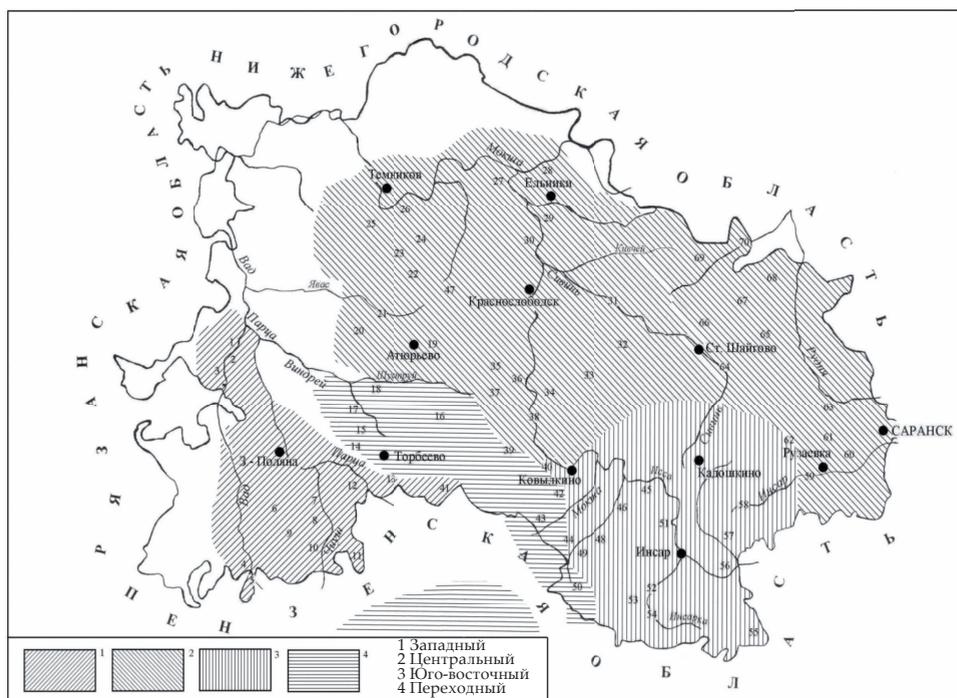
Введение

Современная лингвистика большое внимание уделяет выявлению общих закономерностей и основных тенденций формирования и развития национальных языков, а это невозможно без глубокого и всестороннего изучения их диалектов. Исследование диалектных особенностей с помощью методов лингвистической географии, описание говоров и диалектов — актуальная задача мордовского и финно-угорского языкознания. В статье рассматривается парадигма определенного склонения имени существительного и анализируются изоглоссы распространения вариантных морфем в мокшанских диалектах. Важность темы определяется малой изученностью материала, а также изучением ряда говоров.

Следует отметить, что мокшанский язык как система реализуется в виде нескольких разнообразных диалектных типов, которые составляют лингвистический ареал многочисленных говоров, где наряду с диалектной микросистемой широко используется система литера-

турного языка. «Диалектное членение мордовских языков имеет многоступенчатый характер. Это означает, что существует определенная иерархия диалектов, суть которой заключается в том, что внутри основных диалектных типов выделяются более мелкие поддиалекты, противопоставленные внутри основного, более крупного диалекта по другим чертам. Эти более мелкие поддиалекты образуют иную степень членения по сравнению с основными диалектами» (Цыганкин 2000 : 19).

Классификация мокшанских диалектов наиболее полно представлена в работах А. П. Феоктистова (1960; 1990), С. З. Деваева (1966), А. П. Феоктистова и С. Сааринен (Feoktistov, Saarinen 2005). Выделяются пять типов диалектов: центральный, юго-восточный, западный, переходный и смешанный, см. карту 1.*

Карта 1. Диалекты мокшанского языка на территории Республики Мордовия (Левина 2015 : 105).

Западный диалект базируется в Zubovo-Polyanskom and partially Torbeevskom districts of the Republic of Mordovia. On the phonological level, it breaks down into two subgroups: а) north-western: с. Анаево (*Anaju*), с. Вадовские Селищи (*Vad Vel'äzäm*), с. Промзино (*Poranza*), п. Крюковка (*Křuku*), п. Пичёвка (*Pičñä*), с. Каргашино (*Kargaša*), п. Пичаловка (*Pič Velä*), с. Журавкино (*Žarav Velä*), п. Вячка (*Väčka*) and др. Zubovo-Polyanskoj district; б) юго-западная подгруппа: с. Новое Бадиково (*Od Bajd'äku*), с. Старое Бадиково (*S'irä bajd'äku*), с. Жуковка (*Žuku*), с. Мордовская Поляна (*Kuža*), с. Булдыгино (*Buldigina, S'irä Vil'e*), с. Пич-

* См. «Населенные пункты на картах» (с. 29). Смешанный диалект на карте не отмечен, так как географически расположен за пределами Республики Мордовия.

панда (*Pičpanda*), с. Ачадово (*Očadu*), д. Крюковка (*K'ruku*), с. Тарханская Потьма (*Potmaŋe*), с. Зарупкино (*Zarapka*), с. Покровские Селищи (*Vil' Ežam*), с. Новые Выселки (*Bəznovka*), с. Новая Потьма (*Od Potma*), с. Старая Потьма (*S'irə Potma*), с. Мордовский Пимбур (*Mokšəñ Pimbur, Pimbəra*) Zubovo-Полянского района, с. Лопатино (*lapat'ina*), с. Старые Пичуры (*S'irə Pečora*) Торбеевского района.

На морфологическом уровне между этими подгруппами существенных различий нет. Важнейшая структурная изоглосса диалекта лежит в области морфологии: наличие каузатива (каузалиса) в определенном и притяжательном склонениях: *lomañ-t'-ksa* 'из-за, ради этого человека', *lomañ-ñə-ñksa* 'из-за, ради этих людей', *pakšə-žə-ñksa/pakšə-žə-ñksa* 'из-за, ради моего поля', *pakšə-čə-ñksa/pakšə-čə-ñksa* 'из-за, ради твоего поля', *pakšə-n-c-ksa* 'из-за, ради его (ее) поля', *pakšə-ñəšk-ə-ñksa/pakšə-ñəšk-ə-ñksa* 'из-за, ради нашего поля', *pakšə-ñəkə-ñksa/pakšə-ñəkə-ñksa* 'из-за, ради наших полей', *pakšə-ñd'əšt'-ə-ñksa/pakšə-ñd'əšt'-ə-ñksa* 'из-за, ради вашего поля', *pakšə-ñt'ə-ñksa* 'из-за, ради ваших полей', *pakšə-snə-ñksa* 'из-за, ради их поля (полей)'; наличие специфических поссессивных форм существительных: ед. ч. *viř-ñəšk(ä,e)* 'наш лес', *kud-nəšk(ä,e)* 'наш дом'; мн.ч. *viř-ñək(ä,e)* 'наши леса', *kud-nək(e,ə)* 'наши дома'; ед. ч. *viř-ñd'əšt'(ä,e)* 'ваш лес', *kud-ndəšt'(ä,e)* 'ваш дом'; мн. ч. *viř-ñt'ä(e)* 'ваши леса', *kud-nte(ə)* 'ваши дома' (ср. *viř-ə-ñkä(e,ə)/viř-ñəkə* 'наш лес', 'наши леса'; *kud-ə-ñkä(e,ə)/kud-nəkə* 'наш дом', 'наши дома'; *viř-ə-ñt'ä(e,ə)* 'ваш лес', 'ваши леса'; *kud-ə-ñt'ä(e,ə)* 'ваш дом', 'ваши дома' др. говоров) (Материал диалектологических экспедиций 2000—2009 гг.). О реализации некоторых падежных показателей писали А. П. Феоктистов (1975; 1990), С. З. Деваев (1963).

Система определенного склонения

Морфемы определенности в мордовских языках образованы от указательных местоимений (*šä* 'тот', *tä* 'этот', *ñä* 'эти'), восходящих к местоименным основам **s-*, **t-*, **n-* уральского языка-основы. На это указывали Й. Синней (Szinnyei 1922), Д. В. Бубрих (1953), М. Е. Евсевьев (1963), Б. А. Серебренников (1967), А. П. Феоктистов (1975), Д. В. Цыганкин (2000) и др. Переход указательных местоимений в грамматические морфемы (артикли) характерен для многих финно-угорских и индоевропейских языков (Майтинская 1969 : 127—140). Для определенного склонения мокшанского языка характерно отсутствие единой падежной системы (в одних диалектных группах три падежа, как и в литературном языке, в других (западный и переходный) — четыре), в смешанных диалектах местные падежи, абессив и разнообразие падежных формантов. Отсутствие единой падежной системы, наличие синтетических и аналитических конструкций передачи падежных значений определенного склонения обуславливает своеобразие изоглоссных линий.

В единственном числе структура падежных форм с аффиксом определенности различна, неоднородна и реализация морфем в падежных парадигмах многих мокшанских диалектов и говоров, см. табл. 1.

В говорах западного диалекта в номинативе определенного склонения единственного числа используются алломорфы *-š/-s*, *-č/-c*, восходящие к указательному местоимению **šä* 'этот'.

Таблица 1

Падежные морфемы определенного склонения

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	лит.	зап.	лит.	зап.
Ном.	-ś/-ć	-s/-ś, -c/-ć	-t'-ńe/-ńe	-t-nę/-t'-ńe(ə)/-ńe
Ген.	-t'	-t/-t'	-t'-ńə-ń/-ńə-ń	-t-nə-ń/-t'-ńə-ń -nə-ń/-ńə-ń
Дат.	-t'i	-t _z /t'i	-t'-ńə-ńd'i/-ńə-ńd'i	-t-nə-ńd'i/-t'-ńə-ńd'i -nə-ńd'i/-ńə-ńd'i
Кауз.	-	-t-ksa(ə)/-t'-ksa(ə)	-	-t'-ńə-ηksa(ə)/-t'-ńə-ηksa(ə) -ńə-ηksa(ə)/-ńə-ηksa(ə)

Во многих говорах формант *-ś* агглютинирует с гласными переднего и заднего ряда и палатализованными и непалатализованными согласными: *kud-ś* 'дом (этот, тот)', *viř-ś* 'лес (этот, тот)', *kal-ś* 'рыба (эта, та)', *mař-ś* 'яблоко (это, то)', *vel'ə-ś* 'село (это, то)'.

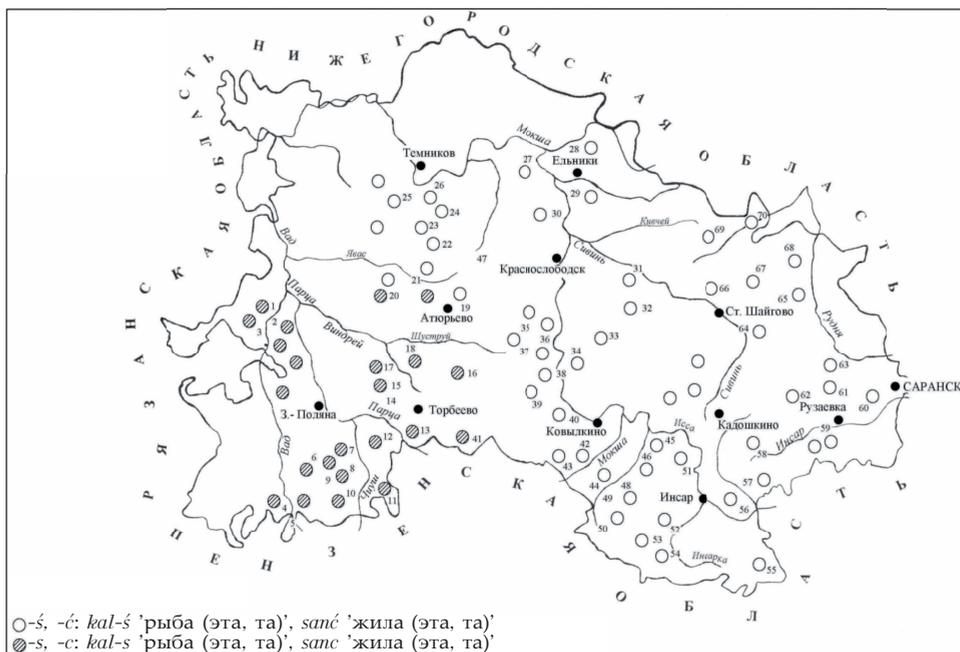
Морфема *-ć* (фонетический вариант *-ś*) выступает вместо *-ś* после *n*, *ń*, так как между *n* и *ś* возникает смычный элемент. По мнению Д. В. Бубриха (1953 : 98), аффрикатизация *-ś* возникла под влиянием предшествующего носового согласного (*-nś > -nć ~ -ńś > -ńć*) : зап. *lomań-ć*, *san-c*, *šovəń-ć*, лит. *lomań-ć* 'человек (этот, тот)', *san-ć* 'жила (эта, та)', *šovəń-ć* 'глина (эта, та)' и т. д. Следует обратить внимание на то, что в мокшанских смешанных говорах данный формант функционирует в формах с основой на сонорный согласный *-r*, *-r'*, *-l*, *-l'*: кирт. *viř-ć*, *kal-ć*, *tol-ć*; урюм. *viř-ć*, *kal-ć*, *tol-ć*; лит. *viř-ś* 'лес (этот, тот)', *kal-ś* 'рыба (эта, та)', *tol-ś* 'огонь (этот, тот)' (Материал диалектологических экспедиций 2007—2009 гг.).

В говорах западного и частично переходного диалектов употребление непалатализованных вариантов *-s*, *-c* ограничено не только в отношении круга охватываемых слов, но и территориально. Данные алломорфы определенности присоединяются непосредственно к основе с непалатализованным согласным в противоположность многим другим говорам, а в словоформах с палатализованными согласными и гласными переднего ряда в этих же говорах употребляются мягкие варианты *-ś*, *-ć*: зап. *kal-s*, *val-s*, но *viř-ś*; перех. *kal-s*, *val-s*, но *viř-ś*; лит. *kal-ś* 'рыба (эта, та)', *val-ś* 'слово (это, то)', *viř-ś* 'лес (этот, тот)', см. табл. 2 и карту 2. В других диалектных ареалах такой оппозиции не наблюдается.

Таблица 2

Алломорфы номинатива ед. ч. (N+Sg+Nom+Def)

Исход основы	зап.	перех.	центр.	юго-вост.	смешан.	лит.
гласный: <i>vel'ə</i> 'село'	-ś	-ś	-ś	-ś	-ś	-ś
палатализованный согласный: <i>viř</i> 'лес'	-ś	-ś	-ś	-ś	-ć	-ś
непалатализованный согласный <i>l</i> , <i>r</i> : <i>kal</i> 'рыба'	-s	-s	-ś	-ś	-ć	-ś
сонорный непалатализованный согласный <i>n</i> : <i>san</i> 'жила'	-c	-c	-ć	-ć	-ć	-ć
сонорный палатализованный согласный <i>ń</i> : <i>lomań</i> 'человек'	-ć	-ć	-ć	-ć	-ć	-ć

Карта 2. Морфемы номинатива в формах с основой на непалатализованный согласный (Левина 2014 : 125).

Как отмечено, 1) во всех говорах мокшанского языка происходит аффрикатизация сибилантов после *n*, *n̄*; 2) в смешанном диалекте она происходит также после других переднеязычных сонорных; 3) в западном диалекте падежные показатели подвержены и прогрессивной ассимиляции по мягкости; депалатализация мягких парных согласных в позиции после непалатализованных парных согласных отмечена также в говорах переходного диалекта: зап. *tol-s*, перех. *tol-s*, лит. *tol-ś* 'огонь (этот, тот)'; зап. *kal-s*, перех. *kal-s*, лит. *kal-ś* 'рыба (эта, та)'

Генитив определенного склонения единственного числа в говорах западного диалекта представлен двумя алломорфами: *-t'*, *-t*, совмещающие генитивную и артиклевую функции и с трудом поддающиеся членению на простейшие элементы. Данной морфеме исторически предшествовал аффикс *-ñt'*, который и сейчас сохранился в эрзянском языке (ср. эрз. *-ñt' > tt' > t'*) (Феоктистов 1963 : 78). Формант *-ñt'* сложился из двух элементов — показателя генитива *-ñ*, который впоследствии в формах генитива и датива единственного числа выпал, и артикля *-t'* (**t*-овое указательное местоимение), — утвердившийся в сфере генитива и ставший основой для форм датива и каузатива единственного числа (Феоктистов 1963 : 77). В настоящее время эрз. *-ñt'* синхронно флективен, ибо формант *-t'* в качестве артикля, кроме генитива, нигде не выступает.

Изоглоссы вариантов *-t'/-t* также зависят от основы: *-t* агглютинирует только с основами на непалатализованный согласный, а с основами на гласный и палатализованный согласный употребляется формант *-t'*, см. табл. 3. Примеры: центр. *velə-t'/vilə-t'*, *vir-t'*, *mar-t'*, *kal-t'*; юго-вост. *vilə-t'*, *virə-t'*, *mar-t'*, *kal-t'*; зап. *velə-t'/vilə-t'*, *vir-t'*, *mar-t'*, но *kal-t*, лит. *velə-t'* 'села (этого, того)', *vir-t'* 'леса (этого, того)', *mar-t'*

В большинстве мокшанских говоров формант *-t'i* присоединяется к основам как на гласный, так и на палатализованный и непалатализованный согласные. В говорах западного и переходного диалектов и в номинативе и в генитиве определенного склонения твердый вариант *-t'ḷ* употребляется в формах с основой на непалатализованный согласный, а мягкий *-t'i* — на гласный или палатализованный согласный (карта 3): центр. *vel'a-t'i/vil'a-t'i*, *vir'-t'i*, *mar'-t'i*, *kal-t'i*, юго-вост. *vil'a-t'i*, *vir'a-t'i*, *mar'-t'i*, *kal-t'i*, зап. *vel'a-t'i/vil'a-t'i*, *vir'-t'i*, *mar'-t'i*, но *kal-t'ḷ*, лит. *vel'a-t'i* 'селу (этому, тому)', *vir'-t'i* 'лесу (этому, тому)', *mar'-t'i* 'яблоку (этому, тому)', *kal-t'i* 'рыбе (этой, той)' (Материал диалектологических экспедиций 2000—2009 гг.), см. табл. 4.

Таблица 4

Алломорфы датива (N+Sg+Dat+Def)

Исход основы	зап.	перех.	центр.	юго-вост.	смешан.	лит.
гласный или палатализованный согласный: <i>vel'a</i> 'село', <i>vir'</i> 'лес'	<i>-t'i</i>	<i>-t'i</i>	<i>-t'i</i>	<i>-t'i</i>	<i>-t'i</i>	<i>-t'i</i>
непалатализованный согласный: <i>kal</i> 'рыба'	<i>-t'ḷ</i>	<i>-t'ḷ</i>	<i>-t'i</i>	<i>-t'i</i>	<i>-t'i</i>	<i>-t'i</i>

Особо следует отметить, что в говорах западного и переходного диалектов наличествует падежная форма определенного склонения — каузатив, представленный алломорфами *-t'ksa(ə)*, *-tksa(ə)* (см. табл. 5).

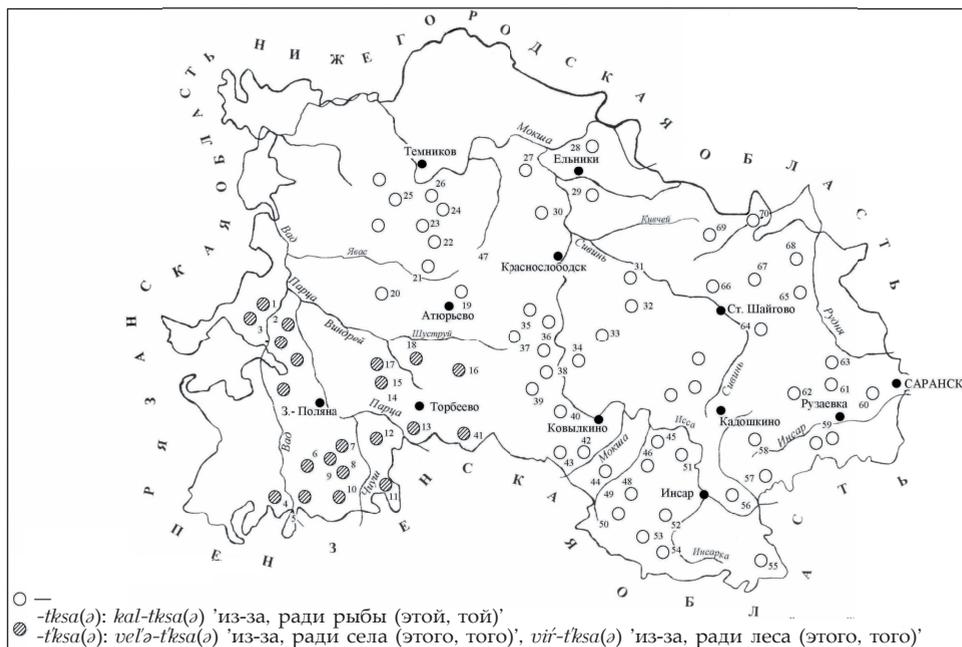
Таблица 5

Алломорфы каузатива (N+Sg+Kaus+Def)

Исход основы	зап.	перех.	центр.	юго-вост.	смешан.	лит.
гласный или палатализованный согласный: <i>vel'a</i> 'село', <i>vir'</i> 'лес'	<i>-t'ksa(ə)</i>	<i>-t'ksa(ə)</i>	—	—	—	—
непалатализованный согласный: <i>kal</i> 'рыба'	<i>-tksa(ə)</i>	<i>-tksa(ə)</i>	—	—	—	—

Источником морфемы каузатива определенного склонения единственного числа *-t'ksa(ə)*, *-tksa(ə)* является суффикс генитива *-t/-t'* и видоизмененный формант каузатива *-ksa(ə)* (< послелог *inksa* 'из-за, ради'): *lomań-t'-ksa(ə)* 'из-за, ради этого (того) человека', *pakšä-t'-ksa(ə)* 'из-за, ради этого (того) поля', *mar'-t'-ksa(ə)* 'из-за, ради этого (того) яблока', *kal-t-ksa(ə)* 'из-за, ради этой (той) рыбы'. Падежный формант в словоформах находится после морфемы определенности, как и в парадигме множественного числа. Как и в номинативе, генитиве и дативе определенного склонения в данном типе говоров, твердый вариант *-tksa(ə)* употребляется в формах с основой на непалатализованный согласный, а мягкий *-t'ksa(ə)* — с основой на гласный или палатализованный согласный, см. карту 4.

Каузатив определенного склонения употребляется не так широко, как и каузатив неопределенного склонения, но можно предположить, что грамматикализация постпозиции в определенном склонении произошла по аналогии с эквивалентом неопределенного склонения.

Карта 4. Алломорфы каузатива с основой на непалатализованный согласный и с основой на гласный или палатализованный согласный.

Остальным падежам неопределенного склонения в определенном склонении во многих мокшанских диалектах соответствуют послеложные конструкции из генитива определенного склонения и послелога, имеющие значение соответствующего падежа: центр. *kut' ezda(ə)*; юго-вост. *kut' izda*; лит. *kut' ezda* 'от дома (этого, того)'.

В смешанных мокшанских говорах параллельно употребляются местные падежи с суффиксальным и послеложным оформлением: кирт. *kut'-e-sta / kut' ejsta* 'от дома (этого, того)', *kut'es / kut' ejs* 'в дом (этот, тот)'. По мнению Д. В. Цыганкина (2000 : 244), в синтетических формах *j*-овый элемент служит как бы маркером, предупреждающим о генетической связи формантов *-ejsa, -ejsta, -ejs* с послелогом *ejsa, ejsta, ejs*.

Уже упомянуто, что в косвенных падежах в мокшанском и эрзянском языках постпозитивный артикль *-ś* заменяется артиклем *-t'* и присоединяется непосредственно к основе слова. Возможно, эти форманты в современных диалектах и литературном языке свидетельствуют о былых диалектах древнемордовского языка.

Оппозиция форм единственного и множественного числа представлена во всех падежах, функционирующих и в говорах западного диалекта. Формы множественного числа определенного склонения отличаются от форм единственного удивительным единообразием. Модель форм множественного числа определенного склонения: именная основа + маркер множественности *-t/-t'* + морфема определенности *-ńe(ə)/-ne(ə)* + формант падежа (Серебренников 1967 : 48).

Номинатив определенного склонения множественного числа: *-t/-t' + -ńe(ə)/-ne(ə)* (< указательное местоимение **nä* 'эти'): центр. *kut-t-ńe(ə)/kut-t-nə*, юго-вост. *kut-t-ńe*, зап. *kut-t-ne*, перех. *kut-t-t-ne*, лит. *kut-t'-ńe* 'дома

(эти, те)'; центр. *viĕ-ńe(ə)*, юго-вост. *viĕ-ńe*, зап. *viĕ-ńe*, перех. *viĕ-ńe*, лит. *viĕ-ńe* 'леса (эти, те)'; центр. *kaL-ńe(ə)/kaL-nə*, юго-вост. *kaL-ńe*, зап. *kaL-nę*, перех. *kaL-nę*, лит. *kaL-ńe* 'рыбы (эти, те)'; центр. *sat-t-ńe(ə)/sat-t-nə*, юго-вост. *sat-t'-ńe*, зап. *sat-t-nę*, перех. *sat-t-nę*, лит. *sat-t'-ńe* 'жилы (эти, те)' (Материал диалектологических экспедиций 1999—2011 гг.), см. табл. 6.

Таблица 6

Алломорфы номинатива мн.ч. (N+Pl+Nom+Def)

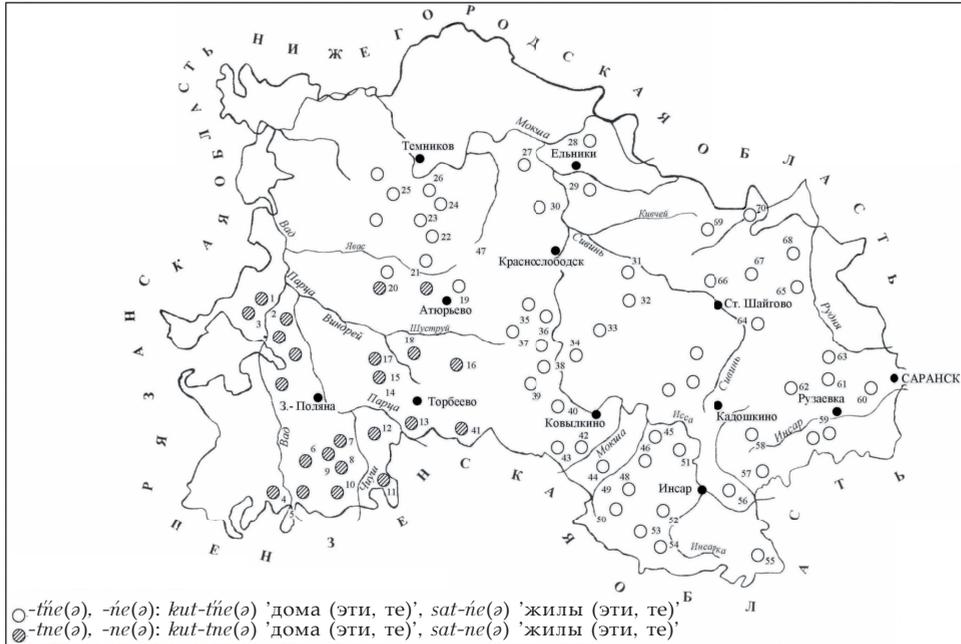
Исход основы	зап.	перех.	центр.	юго-вост.	смешан.	лит.
гласный, кроме <i>i, ĭ</i> в неодносложных словах: <i>velə</i> 'село', <i>paĕsā</i> 'поле', <i>ki</i> 'дорога'	<i>-t'ńe</i>	<i>-t'ńe</i>	<i>-t'ńe(ə)</i>	<i>-t'ńe</i>	<i>-t'ńe</i>	<i>-t'ńe</i>
<i>i, ĭ</i> в неодносложных словах: <i>ĩńəzi</i> 'малина', <i>šariĭ</i> 'колесо'	<i>J-ńe</i>	<i>J-ńe</i>	<i>J-ńe(ə)</i>	<i>J-ńe</i>	<i>J-ńe</i>	<i>J-ńe</i>
согласный: <i>pulf</i> 'сноп', <i>kelaž</i> 'лиса'	<i>-ńe</i>	<i>-ńe</i>	<i>-ńe</i>	<i>-ńe</i>	<i>-ńe</i>	<i>-ńe</i>
непалатализованные <i>l, r</i> : <i>kal</i> 'рыба', <i>mar</i> 'куча'	<i>-nę</i>	<i>-nę</i>	<i>-ńe(ə)/-nę(ə)</i>	<i>-ńe</i>	<i>-nę</i>	<i>-ńe</i>
палатализованные <i>l', r'</i> : <i>māl</i> 'желание', <i>vir</i> 'лес'	<i>-ńe</i>	<i>-ńe</i>	<i>-ńe(ə)</i>	<i>-ńe</i>	<i>-ńe</i>	<i>-ńe</i>
палатализованные <i>d, t'</i> : <i>ved</i> 'вода'	<i>-t'ńe</i>	<i>-t'ńe</i>	<i>-t'ńe(ə)</i>	<i>-t'ńe</i>	<i>-t'ńe</i>	<i>-t'ńe</i>
непалатализованные <i>d, t</i> : <i>kud</i> 'дом'	<i>-tnę</i>	<i>-tnę</i>	<i>-t'ńe(ə)/-tnę(ə)</i>	<i>-t'ńe</i>	<i>-tnę</i>	<i>-t'ńe</i>

Как показывают примеры, в говорах западного, переходного и частично центрального диалектов функционируют варианты морфем *-ńe/-ńə/-nę/-nə*, употребление которых обусловлено основой множественного числа. Если она оканчивается гласным или палатализованным согласным с предшествующим гласным переднего ряда, морфема реализуется как *-ńe/-ńə*; если же имеет конечный непалатализованный согласный — как *-nę/-nə*, см. карту 5.

В неодносложных существительных с основой на *i, ĭ* и *u* морфема генитива агглютинирует к удлинненной основе: *maĕi* 'гусь' — *maĕiJ-ńe(ə)* 'гуся (эти, те)', *ĩńəzi* 'малина' — *ĩńəziJ-ńe(ə)* 'малины (эти, те)'; *kelu* 'береза' — *keluJ-ńe(ə)* 'березы (эти, те)', *kuĕi* 'ложка' — *kuĕiJ-ńe(ə)* 'ложки (эти, те)'.

Генитив определенного склонения множественного числа: *-t/-t' + -ńe(ə)/-nę(ə)* (< указательное местоимение **ńä* 'эти') + *ń* (< **n*): центр. *kut-t'-ńə-ń/kut-t-nə-ń*, юго-вост. *kut-t'-ńə-ń*, зап. *kut-t-nə-ń*, перех. *kut-t-nə-ń*, лит. *kut-t'-ńə-ń* 'домов (этих, тех)'; центр. *viĕ-ńə-ń*, юго-вост. *viĕ-ńə-ń*, зап. *viĕ-ńə-ń*, перех. *viĕ-ńə-ń*, мокш. лит. *viĕ-ńə-ń* 'лесов (этих, тех)'; центр. *kaL-ńə-ń/kaL-nə-ń*, юго-вост. *kaL-ńə-ń*, зап. *kaL-nə-ń*, перех. *kaL-nə-ń*, лит. *kaL-ńə-ń* 'рыб (этих, тех)'; центр. *sat-t'-ńə-ń/sat-t-nə-ń*, юго-вост. *sat-t'-ńə-ń*, зап. *sat-t-nə-ń*, перех. *sat-t-nə-ń*, лит. *sat-t'-ńə-ń* 'жил (этих, тех)' (Материал диалектологических экспедиций 1999—2011 гг.), см. табл. 7.

Б. А. Серебрянников (1967 : 16) считает, что твердый *-n* как суффикс генитива отражает древнее состояние генитива, так как некогда его формант был только твердым.

Карта 5. Морфемы номинатива множественного числа в формах с основной на непалатализованный согласный.

Таблица 7

Алломорфы генитива (N+Pl+Gen+Def)

Исход основы	зап.	перех.	центр.	юго-вост.	смешан.	лит.
гласный, кроме <i>i, i̇</i> в неодносложных словах: <i>vel'ə</i> 'село', <i>paksä</i> 'поле' <i>ki</i> 'дорога'	-t'ňə-ń	-t'ňə-ń	-t'ňə-ń	-t'ňə-ń	-t'ňə-ń	-t'ňə-ń
<i>i, i̇</i> в неодносложных словах: <i>inäzi</i> 'малина', <i>šari̇</i> 'колесо'	J-ňə-ń	J-ňə-ń	J-ňə-ń	J-ňə-ń	J-ňə-ń	J-ňə-ń
согласный: <i>pulf</i> 'сноп', <i>kelaž</i> 'лиса'	-ňə-ń	-ňə-ń	-ňə-ń	-ňə-ń	-ňə-ń	-ňə-ń
непалатализованные <i>l, r</i> : <i>kal</i> 'рыба', <i>mar</i> 'куча'	-nə-ń	-nə-ń	-ňə-ń/ -nə-ń	-ňə-ń	-nə-ń	-ňə-ń
палатализованные <i>l', r'</i> : <i>mäl</i> 'желание', <i>vir'</i> 'лес'	-ňə-ń	-ňə-ń	-ňə-ń	-ňə-ń	-ňə-ń	-ňə-ń
непалатализованные <i>d, t</i> : <i>kud</i> 'дом'	-tnə-ń	-tnə-ń	-t'ňə-ń/ -tnə-ń	-t'ňə-ń	-tnə-ń	-t'ňə-ń
палатализованные <i>d', t'</i> : <i>ved'</i> 'вода'	-t'ňə-ń	-t'ňə-ń	-t'ňə-ń	-t'ňə-ń	-t'ňə-ń	-t'ňə-ń

Датив определенного склонения множественного числа: *-t/-t' + -ne(ə)/-ne(ə)* (< указательное местоимение **nä* 'эти') + *nd'i* (< *-ń + *t'ej < -ń + *t'ej*): центр. *kut-t-ňə-nd'i/kut-t-nə-nd'i*, юго-вост. *kut-t-t'ňə-nd'i*, зап. *kut-t-nə-nd'i*, перех. *kut-t-nə-nd'i*, лит. *kut-t-ňə-nd'i* 'домам (этим, тем)'; центр. *viĕ-ňə-nd'i*, юго-вост. *viĕ-ňə-nd'i*, зап. *viĕ-ňə-nd'i*, перех. *viĕ-ňə-nd'i*, лит. *viĕ-ňə-nd'i* 'лесам (этим, тем)'; центр. *kaL-ňə-nd'i/kaL-nə-nd'i*, юго-вост. *kaL-ňə-nd'i*, зап. *kaL-nə-nd'i*, перех. *kaL-nə-nd'i*, лит. *kaL-ňə-nd'i* 'рыбам (этим, тем)'; центр. *sat-t-ňə-nd'i/sat-t-nə-nd'i*, юго-вост. *sat-t-ňə-nd'i*, зап.

sat-t-nə-ńd'i, лит. *sat-t'-ńə-ńd'i* 'жилам (этим, тем)', см. табл. 8. (Материал диалектологических экспедиций 1999—2011 гг.).

Таблица 8

Алломорфы датива (N+Pl+Dat+Def)

Исход основы	зап.	перех.	центр.	юго-вост.	смешан.	лит.
гласный, кроме <i>i, ȳ</i> в неодносложных словах: <i>vel'ə</i> 'село', <i>pakśä</i> 'поле', <i>ki</i> 'дорога'	<i>-t'ńə-ńd'i</i>	<i>-t'ńə-ńd'i</i>	<i>-t'ńə-ńd'i</i>	<i>-t'ńə-ńd'i</i>	<i>-t'ńə-ńd'i</i>	<i>-t'ńə-ńd'i</i>
<i>i, ȳ</i> в неодносложных словах: <i>ĩńəzi</i> 'малина', <i>šari</i> 'колесо'	<i>J-ńə-ńd'i</i>	<i>J-ńə-ńd'i</i>	<i>J-ńə-ńd'i</i>	<i>J-ńə-ńd'i</i>	<i>J-ńə-ńd'i</i>	<i>J-ńə-ńd'i</i>
согласный: <i>pulf</i> 'сноп', <i>kelaž</i> 'лиса'	<i>-ńə-ńd'i</i>	<i>-ńə-ńd'i</i>	<i>-ńə-ńd'i</i>	<i>-ńə-ńd'i</i>	<i>-ńə-ńd'i</i>	<i>-ńə-ńd'i</i>
непалатализованные <i>l, r</i> : <i>kal</i> 'рыба', <i>mar</i> 'куча'	<i>-nə-ńd'i</i>	<i>-nə-ńd'i</i>	<i>-ńə-ńd'i</i> / <i>-nə-ńd'i</i>	<i>-ńə-ńd'i</i>	<i>-nə-ńd'i</i>	<i>-ńə-ńd'i</i>
палатализованные <i>l', r'</i> : <i>mäl</i> 'желание', <i>vir</i> 'лес'	<i>-ńə-ńd'i</i>	<i>-ńə-ńd'i</i>	<i>-ńə-ńd'i</i>	<i>-ńə-ńd'i</i>	<i>-ńə-ńd'i</i>	<i>-ńə-ńd'i</i>
непалатализованные <i>d, t</i> : <i>kud</i> 'дом'	<i>-tnə-ńd'i</i>	<i>-tnə-ńd'i</i>	<i>-t'ńə-ńd'i</i> / <i>-tnə-ńd'i</i>	<i>-t'ńə-ńd'i</i>	<i>-tnə-ńd'i</i>	<i>-t'ńə-ńd'i</i>
палатализованные <i>d', t'</i> : <i>ved'</i> 'вода'	<i>-t'ńə-ńd'i</i>	<i>-t'ńə-ńd'i</i>	<i>-t'ńə-ńd'i</i>	<i>-t'ńə-ńd'i</i>	<i>-t'ńə-ńd'i</i>	<i>-t'ńə-ńd'i</i>

Каузатив определенного склонения множественного числа: *-t/-t' + -ńe(ə)/-ne(ə)* (< указательное местоимение **ńä* 'эти') + суффикс генитива *ń* (< **n*) + *-ksa(ə)* (< послелог *ĩnksa* 'из-за, ради'), функционирует как в говорах западного, так и переходного диалектов, а также в некоторых говорах смешанного типа. Например: зап., перех. *kut-t-nə-ń-ksa* 'из-за домов (этих, тех)', *viń-ńə-ń-ksa* 'из-за лесов (этих, тех)', *kaL-nə-n-ksa* 'из-за рыб (этих, тех)', *sat-t-nə-n-ksa* 'из-за жил (этих, тех)' и т. д., см. табл. 9.

Таблица 9

Алломорфы каузатива (N+Pl+Kaus+Def)

Исход основы	зап.	перех.	центр.	юго-вост.	смешан.	лит.
гласный: <i>vel'ə</i> 'село', <i>pakśä</i> 'поле' <i>ki</i> 'дорога';	<i>-t'ńə-ń-ksa</i>	<i>-t'ńə-ń-ksa</i>	—	—	<i>-t'ńə-ń-ksa</i>	—
<i>i, ȳ</i> в неодносложных словах: <i>ĩńəzi</i> 'малина', <i>šari</i> 'колесо'	<i>J-ńə-ń-ksa</i>	<i>J-ńə-ń-ksa</i>	—	—	<i>J-ńə-ń-ksa</i>	—
согласный: <i>kelaž</i> 'лиса', <i>pulf</i> 'сноп'	<i>-ńə-ń-ksa</i>	<i>-ńə-ń-ksa</i>	—	—	<i>-ńə-ń-ksa</i>	—
непалатализованные <i>l, r</i> : <i>kal</i> 'рыба', <i>mar</i> 'куча'	<i>-nə-n-ksa</i>	<i>-nə-n-ksa</i>	—	—	<i>-nə-n-ksa</i>	—
палатализованные <i>l', r'</i> : <i>käl</i> 'язык', <i>vir</i> 'лес'	<i>-ńə-ń-ksa</i>	<i>-ńə-ń-ksa</i>	—	—	<i>-ńə-ń-ksa</i>	—
непалатализованные согласные <i>d, t</i> : <i>kud</i> 'дом', <i>san</i> 'жила'	<i>-t-nə-n-ksa</i>	<i>-t-nə-n-ksa</i>	—	—	<i>-t-nə-n-ksa</i>	—
палатализованные <i>d', t'</i> : <i>ved'</i> 'вода', <i>lomań</i> 'человек'	<i>-t'ńə-ń-ksa</i>	<i>-t'ńə-ń-ksa</i>	—	—	<i>-t'ńə-ń-ksa</i>	—

Следует отметить, что в основах склоняемого имени, морфемах определенности и падежных суффиксах наблюдаются неоднозначные морфонологические явления. Фонетические особенности падежных форм единственного числа: 1) наложение конца склоняемой согласной основы на морфему определенности, так как морфема определенности непосредственно присоединяется к конечным согласным основы d/d' , t/t' . Образуются аффрикаты c/c' : $već < ved' + ś$ 'вода (эта, та)', $tarat̄ < tarad + t'$ 'ветки (этой, той)', $kuṭi/kuṭi < kud + t'i/kud+t_i$ 'дому (этому, тому)', $tarat̄ksa < tarad + tksa$ 'за ветку (эту, ту)'. В эрзянском языке данное явление ограничено территориально. Им охвачены говоры, в которых морфема определенности в названных падежах присоединяется непосредственно к основе в противоположность говорам без интерфикса, если только основа не оканчивается на свистящий или шипящий согласный (Цыганкин 2000 : 239); 2) интерфиксация. В большинстве мокшанских говоров морфемы определенности номинатива $-ś/-s$, $-ć/-c$, генитива $-t'/-t$, датива $-t'i/-t_i$ присоединяются без интерфиксов: $kud-ś$ 'дом (этот, тот)', $lomañ-ć$ 'человек (этот, тот)', $viř-t'$ 'леса (этого, того)', $kal-t'i/kal-t_i$ 'рыбе (этой, той)'. Им противопоставляются говоры с интерфиксацией в рассматриваемых падежах. Варьирование интерфиксальных гласных объясняется фонетической особенностью основы и принадлежностью говора к определенному диалектному типу: юго-вост. $viř-ə-ś$, $viř-ə-t'$, $viř-ə-t'i$; кирт. $viř-ə-ś$, $viř-ə-t'$, $viř-ə-t'i$; лит. $viř-ś$ 'лес (этот, тот)', $viř-t'$ 'леса (этого, того)', $viř-t'i$ 'лесу (этому, тому)'; кирт. $skal-ə-ś$ 'корова (эта, та)', $skal-ə-t'$ 'коровы (этой, той)', $skal-ə-t'i$ 'корове (этой, той)'. Диахронно в формах $viř-ə-ś$ 'лес (этот, тот)', $viř-ə-t'$ 'леса (этого, того)', $viř-ə-t'i$ 'лесу (этому, тому)' юго-восточного диалекта конечный гласный имеет финно-угорское происхождение ($*wüire \sim wore$) (Цыганкин, Мосин 2015 : 33).

В формах множественного числа наблюдаются 1) тесное сплетение основы на d/d' и аффикса множественности (стоит перед морфемой определенности), в результате происходит оглушение последнего звука основы и его слияние с суффиксом множественного числа: $soṭñe(ə) / soṭne < sod-tñe(ə) / sod-tne$ 'сажа (эта, та)'; $käṭñe(ə) / keṭñe(ə) < käd-tñe(ə) / ked-tñe$ 'руки (эти, те)'; $veṭñe(ə) / viṭñe(ə) < ved-tñe(ə) / vid-tñe(ə)$ 'воды (эти, те)'; подобное слияние происходит и в тех случаях, когда основа оканчивается на n/n' : $šežgatñe(ə) / šežgatne(ə) < šežgan-tñe(ə) / šežgan-tne(ə)$ 'сороки (эти, те)' (Цыганкин 2000 : 239); 2) выпадение показателя множественного числа $-t/-t'$ после сонорных l, l', r, r', j и передача глухости предшествующему согласному: $mař$ 'яблоко' — $maḱñe(ə)$ 'яблоки (эти, те)'; kal 'рыба' — центр. $kaḷñe(ə)$, зап. $kaḷne$ 'рыбы (эти, те)'.
 Различия форм единственного числа по структуре, морфемному составу в междиалектном и межъязыковом плане отнюдь не означают, что мордовский язык-основа был лишен более или менее единых указательных форм единственного числа, именно формы единственного числа эрзянского языка ближе к общемордовским, так как современные мокшанские формы косвенных падежей в этом случае легко объяснимы: мокш. $kudt'$, эрз. $kudoñt' <$ общеморд. $*kuduñt'$ (Надькин 1972 : 67). По мнению С. З. Деваева (1963 : 340—341), отсутствие последовательности в образовании падежных форм определенного склонения свидетельствует о более позднем его происхождении и постепенном образовании падежных форм.

Б. А. Серебренников (1967 : 45—46) отмечает, что формы косвенных падежей определенного склонения должны были бы состоять из трех основных компонентов — склоняемой основы, постпозитивного артикля и падежного суффикса. Однако такой порядок их расположения осуществился лишь во множественном числе, ср. *kud-t-ńe(ə)* 'дома (эти, те)', *kud-t-ńā-ń* 'домов (этих, тех)', *kud-t-ńā-ńd'i* 'домам (этим, тем)', *kud-t-nā-nksa(ə)* 'из-за дома (этих, тех)'. В единственном числе отсутствует единый принцип построения форм.

В указательных формах множественного числа нет принципиальных расхождений не только между диалектами, но и между мокша и эрзя-мордовскими языками. Это единообразие, безусловно, свидетельствует о древности форм множественного числа. По-видимому, указательные формы множественного числа общемордовского языка-основы принципиально не отличались от современных.

Итак, такие диалектные особенности, как отсутствие единой падежной системы (в исследуемых диалектах она богаче, чем в мокшанском литературном языке), разнообразие падежных форм (одно значение передается и синтетическими и аналитическими конструкциями), указывают на незавершенность процесса образования определенного склонения. Например, в эрзянском языке определенное склонение имеет 10 падежных форм, в мокшанском литературном — три, в западном диалекте — четыре. В смешанных говорах мокшанского языка функционируют синтетические формы инессива, элатива, иллатива, пролатива и абессива определенного склонения: инессив — *peřenä-t-ńe-ńde-sa*, лит. *velä-t-ńā-ń esa*, *peřenä-t-ńāń esa*, эрз. *velle-t-ńe-sę* 'в селах (этих, тех)', *peřeńe-t-ńe-sę* 'в огородах (этих, тех)'; элатив — верх.-алат. *velle-t-ńe-ńde-sta*, *peřenä-t-ńe-ńde-sta*, лит. *velä-t-ńā-ń ezda*, *peřenä-t-ńā-ń ezda*, эрз. *velle-t-ńe-stę* '(от) сел (этих, тех)', *peřeńe-t-ńe-stę* '(от) огородов (этих, тех)'; иллатив — верх.-алат. *velle-t-ńe-ńde-s*, *peřenä-t-ńe-ńde-s*, лит. *velä-t-ńā-ń eza*, *peřenä-t-ńā-ń eza*, эрз. *velle-t-ńe-s* '(в) села (эти, те)', *peřeńe-t-ńā-s* '(в) огороды (эти, те)'; пролатив — верх.-алат. *velä-t-ńe-ńd-ezga*, *peřenä-t-ńe-ńd-ezga*, лит. *velä-t-ńā-ń ezga*, *peřenä-t-ńā-ń ezga*, эрз. *velle-t-ńe-va* '(по) селам (этим, тем)', *peřeńe-t-ńe-va*; абессив, образовавшийся в результате сращения аффикса *-ftāma* с генитивом определенного склонения: верх.-алат. *moda-t-ńe-ń-ftāma* 'без этих земель', *lomań-t-ńe-ń-ftāma* 'без этих людей' (Ананьина 1974 : 13). Структура местных падежей: суффикс множественного числа неопределенного склонения *t'* + суффикс определенности *-ńe* + суффикс датива *-ńd'i*, образованный от генитивного *-ń* и *t'* (< *t'eŋ*). Не вызывает сомнения, что *ńd'i* — суффикс датива, однако, как он оказался в инессиве и в других косвенных падежах? Или же возможен иной путь образования: *velle-t-ńe-ńd'esa* — основа слова + суффикс множественного числа неопределенного склонения *t'* + суффикс определенности *ńe* + суффикс генитива *ń* + эпитетический ? *d'* + послелог *esa* 'там' (< *ez* + * *-ne, -na*).

В говорах эрзянского языка с мокшанской основой также неодинаково количество синтетических падежных форм: падежная система указательного склонения в смешанных диалектах в количественном отношении богаче, чем, например, система падежей мокшанского литературного языка (Агафонова, Рябов 2011 : 113).

Итак в говорах, в которых имеются синтетические формы инесива, элатива, иллотива, пролатива, абессива, каузатива определенно-го склонения, наличествует грамматикализация послеложных конструкций, что возникла, возможно, под влиянием эрзянской указательной системы, так как падежная система указательного склонения эрзянского языка богаче не только в количественном отношении, но и разнообразием падежных форм.

Address

Maria Levina
Mordovian State University
E-mail: Lev.Mariya@mail.ru

Сокращения

Диалекты и говоры мокшанского языка: **атр.** — говор атюрьевской подгруппы центрального диалекта; **верх-алат.** — верхнее-алатырские говоры; **зап.** — западный диалект; **кирт.** — говор с. Киртели Тетюшского р-на Республики Татарстан; **киш.** — говор с. Кишалы Атюрьевского района Республики Мордовия; **лит.** — мокшанский литературный язык; **перех.** — переходный диалект; **урюм.** — говор с. Урюм Тетюшского р-на Республики Татарстан; **цнтр.** — центральный диалект; **юго-вост.** — юго-восточный диалект.

Населенные пункты на картах

1. Подлясово Zubovo-Полянского района; 2. Вадовские Селищи Zubovo-Полянского района; 3. Промзино Zubovo-Полянского района; 4. Старое Бадиково Zubovo-Полянского района; 5. Новое Бадиково Zubovo-Полянского района; 6. Мордовская Поляна Zubovo-Полянского района; 7. Зарубкино Zubovo-Полянского района; 8. Ачадово, Тарханская Потьма Zubovo-Полянского района; 9. Булдыгино Zubovo-Полянского района; 10. Пичпанда Zubovo-Полянского района; 11. Мордовский Пимбур Zubovo-Полянского района; 12. Кажлодка Торбеевского района; 13. Дракино Торбеевского района; 14. Савва Торбеевского района; 15. Салазгорь Торбеевского района; 16. Мордовские Юнки Торбеевского района; 17. Варжелай Торбеевского района; 18. Старая Пичеморга Торбеевского района; 19. Курташки Атюрьевского района; 20. Арга Атюрьевского района; 21. Кишалы Атюрьевского района; 22. Мордовская Козловка Атюрьевского района; 23. Кушки Атюрьевского района; 24. Польское Цыбаево Темниковского района; 25. Лесное Цыбаево Темниковского района; 26. Кондровка Темниковского района; 27. Мордовские Пашаты Ельниковского района; 28. Большой Уркат Ельниковского района; 29. Старые Пиченгуши Ельниковского района; 30. Каньгуши Ельниковского района; 31. Старое Синдрово Краснослободского района; 32. Колопино Краснослободского района; 33. Мамолаево Ковылкинского района; 34. Новое Мамангино Ковылкинского района; 35. Зайцево Краснослободского района; 36. Рыбкино Ковылкинского района; 37. Старая Самаевка Ковылкинского района; 38. Волгапино Ковылкинского района; 39. Гумны Ковылкинского района; 40. Курнино Ковылкинского района; 41. Старые Пичуры Торбеевского района; 42. Паррапино Ковылкинского района; 43. Мордовское Вечкенино Ковылкинского района; 44. Старое Дракино Ковылкинского района; 45. Паево Кадошкинского района; 46. Мордовское Коломасово Ковылкинского района; 47. Мордовские Парки Краснослободского района; 48. Шадым Ковылкинского района; 49. Красный Шадым Ковылкинского района; 50. Алькино Ковылкинского района; 51. Адашево Инсарского района; 52. Кочетовка Инсарского района; 53. Верхняя Лухма Инсарского района; 54. Мордовская Паевка Инсарского района; 55. Шадым-Рыскино Инсарского района; 56. Новые Верхиссы Инсарского района; 57. Новлей Инсарского района; 58. Болдово Рузаевского района; 59. Трускляй Рузаевского

района; 60. Левжа Рузаевского района; 61. Сузгарье Рузаевского района; 62. Мордовская Пишля Рузаевского района; 63. Перхляй Рузаевского района; 64. Старая Теризморга Старошайговского района; 65. Лемдэй Старошайговского района; 66. Сарга Старошайговского района; 67. Кулдым Старошайговского района; 68. Мельцаны Старошайговского района; 69. Вертелим Старошайговского района; 70. Темяшево Старошайговского района.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- А г а ф о н о в а Н. А., Р я б о в И. Н. 2011, Морфологические маркеры морфем определенности в эрзянских диалектах Поволжья и Южного Урала. — Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, № 4, Саранск, 108—115.
- А н а н ь и н а К. И. 1974, Верхне-алатырские говоры мокшанского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту.
- Б у б р и х Д. В. 1953, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск.
- Д е в а е в С. З. 1963, Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка. — Очерки мордовских диалектов. Т. II, Саранск, 261—432.
- — 1966, Диалекты мокша-мордовского языка в фонологическом аспекте. — Очерки мордовских диалектов, т. IV, Саранск, 3—15.
- Е в с е в ь е в М. Е. 1963, Основы мордовской грамматики. — Избранные труды. Т. IV, Саранск, 1—469.
- Л е в и н а М. З. 2014, Мокшень диалектологиясь, Саранск.
- — 2015, Морфология форм неопределенного склонения имени существительного в мокшанских диалектах Поволжья (лингвогеографический аспект исследования). — ВЯ, № 5, 104—119.
- М а й т и н с к а я К. Е. 1969, Местоимения в языках разных систем, Москва.
- Н а д ь к и н Д. Т. 1972, К истории указательных форм в мордовских языках. — Вопросы мордовского языкознания, Саранск (ТМорДНИИ, вып. 42), 61—68.
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1967, Историческая морфология мордовских языков, Москва.
- Ф е о к т и с т о в А. П. 1960, Мордовские языки и их диалекты. — Вопросы этнической истории мордовского народа. Т. 63, вып. 1, Москва, 63—83.
- — 1963, Категория притяжательности в мордовских языках, Саранск.
- — 1975, Мордовские языки. — Основы финно-угорского языкознания. Т. II. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки, Москва, 248—343.
- — 1990, Диалекты мордовских языков. — H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch, Band I. (A—J), Helsinki (LSFU XXIII), LX—LXXXVI.
- Ц ы г а н к и н Д. В. 2000, Мордовские языки глазами ученого-лингвиста, Саранск.
- Ц ы г а н к и н Д. В., М о с и н М. В. 2015, Этимологиянь валкс, Саранск.
- A l h o n i e m i, A. 1992, Mordvan sijasyntetismistä. — Sananjalka 34, 33—45.
- B a r t e n s, R. 1999, Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys, Helsinki (MSFOu 232).
- F e o k t i s t o v, A., S a a r i n e n, S. 2005, Mokšamordvan murteet, Helsinki (MSFOu 249).
- P a a s o n e n, H. 1903, Mordvinische Lautlehre, Helsingfors (MSFOu XXII).
- S z i n n y e i, J. 1922, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin—Leipzig.